

Цзи Саньмэй как раз заворачивал тайком купленную через Ван Чуаньдэна книжку с эротическими картинками в обложку от буддийской сутры. Услышав вопрос, он усмехнулся:

— Это учение, в котором можно постичь истину. Но лично для меня — не то чтобы очень нравится.

— Тогда почему же...

Цзи Саньмэй, улыбаясь, аккуратно разгладил только что наклеенную обложку, тщательно устраняя морщинки по краям:

— Настоятель храма Цзюэми — не великий знаток буддизма. Но он уже стар. Когда я с ним беседую, он радуется, и учителю живётся спокойнее.

Чанъань, хоть и не слишком сведущ в житейских делах, понимал, какое положение занимает Шэнь Фаши в монастыре Цзюэми — там никто не посмел бы доставлять ему неудобства. Поэтому, отбросив эту фразу, он смог докопаться до истины, скрытой за полуправдой Цзи Саньмэя.

«...Он уже стар... Когда я с ним беседую, он радуется».

На самом деле Чанъань не знал, что Цзи Саньмэй не договорил ещё кое-что.

...Если бы мой непутевый отец был ещё жив, ему было бы сейчас столько же, сколько настоятелю.

Но об этом говорить не стоило.

Спустя несколько дней настоятель, которого Цзи Саньмэй счёл «страдающим от одиночества в старости», снова почтил обитель своим визитом. Но на сей раз за ним следовал незваный гость.

Услышав шум, Шэнь Фаши вышел из кабинета. Увидев его, упитанный, белокожий мужчина в дорогой одежде бросился к его ногам, словно узрев божество:

— Мастер, мастер Шэнь! Меня преследует женщина-яо! Она... она жестока и могущественна, хочет забрать жизнь моего единственного сына! Умоляю, спасите!

Авторское примечание:

Мастер: Почему ты не хочешь оставить со мной парную причёску? (имеются в виду одинаковые монашеские стрижки)

Саньмэй: Увидев в зеркале свою лысую голову, я буду сам себе противен.

И поэтому мастер, желая сохранить пару волос, решил их отрастить.

Цзи Саньмэй языком повертел во рту мундштук трубки, перекинув её на другую сторону, и быстрым взглядом оценил пришедшего.

Одежда мужчины была сшита из драгоценного «облачного» атласа с Тяньшаня. Чтобы укутать его тучное, белое, как тесто, тело, потребовалось на три чи больше ткани. В сочетании с шёлковыми туфлями и подвесками из голубой яшмы на поясе, стоимость его наряда скромно оценивалась в триста-пятьсот лян.

Но самым ценным на нём были четыре жёлтых бумажных амулета-уголка, развешанные по всему телу и источавшие лёгкий запах крови чёрной собаки.

Основное занятие Шэнь Фаши — изгнание нечисти, а буддизм — так, побочное. В радиусе ста ли от горы Летящего Медведя все знали о громкой славе мастера Шэнь и его заоблачных ценах. Этот чёткий прайс-лист отпугивал многих, и они возлагали надежды на менее известных, но более доступных охотников на демонов.

Эти охотники представляли собой пёструю компанию, о которой стоит рассказать.

Встречались и благородные мужи, изгонявшие демонов безвозмездно. Их отличительная черта — не требовать награды, полностью отдаваться делу, а по завершении скромно удалиться, скрывая свои заслуги. Но, по расчётам Цзи Саньмэя, такие непричастные к мирской суете бессребреники были диковинкой, один на сотню. Чтобы встретить такого, нужно было, чтобы над родовой могилой загорелся благодатный огонь.

Конечно, были и те, кто трудился честно и усердно. Их профессиональная особенность — средний навык, справедливая цена и трезвая самооценка. С великими демонами они, естественно, не связывались, а вот с мелкими ещё могли совладать. Таких было примерно три-четыре из десяти, и, если только они не ошибались в оценке противника, обычно завершали дело успешно.

Но самый многочисленный сорт среди охотников на демонов — это господа, ловящие рыбку в мутной воде демонских напастей. Они, как правило, начитанны и готовы собрать все самые ужасные слова в мире, чтобы обрушить их на головы несчастных страдальцев. Когда те уже совсем теряют голову от страха, эти господа важно выступают вперёд, помахивая своими большими хвостами, в роли спасительной соломинки. Они щедро раздают обещания избавить жертву от напасти, а как только страдалец раскрывает кошелёк — безжалостно его обдирают, смея продавая жёлтые бумажки для сожжения покойникам под видом бумаги из печи Лао-цзюня, в которой тот плавил эликсир.

Окинув взглядом все эти развешанные на пришедшем, якобы бесценные, но на деле бесполезные бумажные уголки, Цзи Саньмэй легко представил, сколь отчаянно тот хватался за любую соломинку до этого и сколько нечистых на руку дельцов уже успело содрать с него шкуру.

Почтенный настоятель, зная, что в этих делах не силён, представив гостя Шэнь Фаши, степенно удалился.

Чаньянь попытался поднять с колен мужчину, разукрашенного словно праздничный фонарь, но тот не желал подниматься, будто подъём в гору отнял у него все силы. Лишь глазные яблоки, похожие на шарики, закатывались в белках, мечась туда-сюда.

Шэнь Фаши лишь приподнял веко. Ван Чуаньдэн, поняв намёк, принёс из главного зала скамью и услужливо подал её Шэнь Фаши. Тот уселся, перебирая чётки, не утруждая себя ни утешениями, ни наводящими вопросами, а просто дожидаясь, пока дрожь у несчастного пройдёт и можно будет перейти к делу. Качество обслуживания оставляло желать лучшего.

К тому времени, как Цзи Саньмэй успел оценить мужчину с ног до головы, тот наконец пришёл в себя, осознал, что каменные плиты неудобны для сидения, послушно поднялся, достал шёлковый платок, громко высморкался и взмолился:

— Мастер Шэнь, спасите моего сына.

Шэнь Фаши:

— Мои услуги стоят три тысячи лян.

Такая прямо деловая постановка вопроса заставила даже привыкшего ценить деньги Цзи Саньмэя бросить на него искоса взгляд.

Но пришедший нимало не смутился, шагнув вперёд:

— Не то что три тысячи, тридцать тысяч отдам, лишь бы сына спасти!

Цзи Саньмэй, только что мысленно коривший Шэнь Фаши за жадность, мгновенно переметнулся: ...Жаль, мало запросил.

Лишь утвердив цену, сребролюбивый монах Шэнь Фаши перешёл к сути:

— С чем вы столкнулись?

С белого, как мука, лица мужчины градом катился и холодный, и горячий пот:

— С... с гуйчэ!

Цзи Саньмэй насторожился.

Гуйчэ, также известная как птица Гухо, имеет девять голов и вид отвратительный. Это дух умершей беременной женщины. Её пёстрые перья служат ей красочной маскировкой, стоит их сбросить — и она обретает женский облик.

Из-за обиды, засевавшей со времён жизни, гуйчэ питает особую страсть к младенцам и часто похищает человеческих детей, чтобы сделать их своими.

Но у Цзи Саньмэя закралось сомнение.

Говоря понятным языком, демоны вроде гуйчэ — это как воры и грабители в мире людей: поступки мерзкие, но реальная опасность невелика. Чтобы справиться, не нужно привлекать всю мощь государства, хватит и нескольких стражников из местной управы.

По той же аналогии, с гуйчэ, чьё мастерство не превышает трёхсот лет, легко справится и охотник на демонов средней руки, разберёт на мясо и перья. Зачем тут привлекать самого Шэнь Фаши?

Однако, собравшиеся здесь не отличались особой профессиональной этикой: скряга, монах-стяжатель и старый плут собрались воедино. Единственный, у кого могли быть зачатки морали, долгое время прожив бок о бок с монахом-стяжателем и старым плутом, полностью утратил представление о нормальных ценах и потому тоже не предупредил несчастного, что тот угодил в ловушку мошенников.

Любопытство, возникшее у Цзи Саньмэя, тут же вылилось в вопрос:

— Дядюшка, а откуда вы знаете, что это именно гуйчэ?

Цзи Саньмэй не верил, что человек, способный чётко назвать «гуйчэ», не обладал бы умением её усмирить или изгнать.

Пришелец снова высморкался и ответил:

— Я из Ичжоу. Недавно меня стала одолевать гуйчэ, покоя не даёт. Стоит ночи наступить — она тут как тут, кружит около софоры возле моего дома и заливается таким душераздирающим криком... В Ичжоу был довольно известный охотник на демонов, дал мне заклинительные амулеты и воду, а ещё четыре медных зеркала — велел развесить по четырём углам карниза, чтобы гуйчэ прогнать... Да она и ухом не ведёт! Этот бездарный охотник несколько раз приходил её изгонять, но тварь оказалась хитрой — то и дело след простывал, а через несколько дней она снова на верхушке софоры сидит, плачет, кричит...

...Выходит, эта гуйчэ — ещё и невыезжая квартирантка.

Внутренне пошутив, Цзи Саньмэй вместе с тем задумался: тот охотник, судя по описанию, не похож на шарлатана-однодневку, меры принял верные. Почему же гуйчэ не уходит?

Мужчина снова произвёл оглушительное сморкание и поверх платка принялся разглядывать Цзи Саньмэя.

Лицо у Цзи Саньмэя было необычайно красивое, с лисьей, почти бесовской притягательностью. И в таком юном возрасте он осмеливался вставлять свои реплики при мастере Шэнь, а тот не только не одёргивал его, но, кажется, даже потакал...

Подумав так, мужчина набрался смелости и спросил:

— А вы, маленький мастер, тоже сведущи в делах духов и демонов?

Цзи Саньмэй без тени смущения ответил:

— Естественно.

Большие деньги обладают странной силой — внушать безоговорочное доверие. Ведь если проблему можно решить деньгами, то это уже не проблема. Мужчина инстинктивно захотел измерить ценность Цзи Саньмэя в звонкой монете:

— А если пригласить вас, маленький мастер, сколько это будет стоить?

<http://bllate.org/book/16281/1466138>